

© Татьяна Александровна Зезюлина  
кандидат юридических наук, доцент,  
заведующий кафедрой гражданско-  
правовых дисциплин факультета  
подготовки следователей Московской  
академии Следственного комитета  
имени А. Я. Сухарева, г. Москва  
E-mail: Tatina\_zezyulina@mail.ru

**Zezyulina Tatyana Alexandrovna**  
PhD (Law), Associate Professor,  
Head of the Department of Civil Law  
Disciplines of the Faculty of  
Investigator Training of the Moscow  
Academy of the Investigative  
Committee named after A. Y.  
Sukharev, Moscow

## **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ СПОСОБЫ СКЛОНЕНИЯ К САМОУБИЙСТВУ ИЛИ СОДЕЙСТВИЯ САМОУБИЙСТВУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

### **Responsibility for nonviolent ways of inducing or facilitating suicide: a comparative legal study**

*Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию законодательных подходов отдельных зарубежных стран к уголовно-правовой оценке ненасильственных способов вовлечения в совершение самоубийства третьими лицами. Установлен более дифференцированный подход отечественного законодателя к решению данных вопросов, что свидетельствует о его несомненном преимуществе перед иными рассмотренными зарубежными актами.*

*Annotation. The article is devoted to a comparative legal study of the legislative approaches of certain foreign countries to the criminal legal assessment of nonviolent methods of involvement in suicide by third parties. A more differentiated approach of the domestic legislator to solving these issues has been established, which indicates its undoubted advantage over other considered foreign acts.*

*Ключевые слова: жизнь человека, самоубийство, суицид, склонение к самоубийству, содействие самоубийству.*

*Keywords: human life, suicide, suicide, suicidal tendencies, assisted suicide.*

Ни для кого не секрет, что жизнь – это неотъемлемое, естественное и основное право абсолютно всех людей в мире, гарантированное международными конвенциями и нормами национального права. Оно не зависит от социального положения человека, его финансовых возможностей, политических взглядов, гражданства и каких-либо других характеристик личности. Оно просто есть от рождения. Эти постулаты являются незыблемыми и для Российской Федерации, несмотря на сложную ситуацию, в которой наша страна сейчас пребывает.

Однако любое право нуждается в гарантиях своей реализации и эффективном механизме защиты, если оно было нарушено. Восстановить

нарушенное право на жизнь нельзя никак, вместе с тем государство может сделать все, чтобы максимально обезопасить своих граждан от криминальных посягательств на их жизнь и здоровье. Это достигается в том числе и путем уголовно-правовых запретов.

Запрет убийства является классическим и закономерным для всех правовых систем мира. Вместе с тем современные способы лишения человека жизни становятся все изощреннее и сложнее, что диктует необходимость разработки новых приемов и способов по противодействию им, а также правовых рычагов воздействия по защите любого человека от негативного воздействия на его жизнь и здоровье со стороны других. Причем в области уголовно-правовой охраны жизни человека от насильственных посягательств проблем существует минимальное количество. В то время как ненасильственные способы побуждения человека добровольным образом причинить себе смерть, а также содействие такому поведению потерпевшего вызывают множество научных дискуссий.

Российское законодательство новейшего времени с самого начала уделяло мало внимания ненасильственным способам побуждения к самоубийству других лиц. Такие проблемы фактически не находились в центре внимания ни государства, ни общественности. Криминализировано было только доведение до самоубийства насильственными способами и посредством угроз применения насилия (ст. 110 УК РФ). Ситуация изменилась лишь в 2017 году [5]. В этот момент получили свое официальное закрепление новые составы, предусмотренные ст. 110.1 и 110.2 УК РФ, поскольку возникли объективные пробелы, связанные с отсутствием возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих ненасильственные побуждения к самоубийству других лиц (особенной детей и подростков).

Подчеркнем, что проблема суицидов характерна не только для нашей страны, поэтому ученые ведут исследования причин и мотивов, по которым люди уходят из жизни, а также разрабатывают программы профилактики суицидов, в особенности среди детей и молодежи. Но именно опыт анализа зарубежного законодательства бесценен, поскольку позволяет лучше познать право своей собственной страны почерпнуть новые идеи и аргументы, которые могли оставаться вне поля зрения в рамках изучения собственного национального права [1]. Тем самым происходит столь необходимый процесс совершенствования отечественного уголовного закона в той или иной сфере.

В первую очередь отметим, что, как правило, в правовых актах разных стран, аналогично современному отечественному подходу, самоубийство, совершенное по доброй воле без постороннего влияния, не признается преступлением. Но встречаются и исключения. Так, штраф или лишение свободы установлены в законодательстве Индии, Судана, Нигерии, Брунея, Сингапура. Это вполне логично, поскольку исторически предопределено, что сам факт самоубийства всячески осуждается в странах с сильным влиянием мусульманского права.

В рамках уголовного законодательства Коста-Рики покушение на самоубийство (само по себе как таковое) наказывается несколько в ином

порядке: в таких случаях установлена необходимость в виде психиатрического лечения самоубийцы, сочетающая в себе также помощь потерпевшему, что само по себе не позиционируется в качестве наказания [3, с. 195]. Подчеркнем, что, вопреки отсутствию уголовной ответственности в УК РФ за добровольное самоубийство, такие лица все же ставятся на тот или иной вид психиатрического учета и за ними происходит определенное наблюдение.

Что касается ненасильственного побуждения лица к совершению суицида, то оно криминализировано в зарубежном уголовном законодательстве практически повсеместно. Почти все страны Европы включили в уголовное законодательство статью, устанавливающую ответственность за склонение к самоубийству или за содействие совершению самоубийства. Это однозначно свидетельствует об особом внимании, которое уделяется данной проблеме в иностранных государствах.

К примеру, если обратиться к швейцарскому законодательству, то в ст. 155 уголовного кодекса данной страны излагается соответствующий состав преступления. При этом примечательно, что закон этой страны устанавливает ответственность за склонение лица к самоубийству из корыстных мотивов [13]. Подчеркнем, что такой признак не предусмотрен в отечественном уголовном законе ни в качестве основного, ни дополнительного.

Единственное, что схоже при сопоставлении, это момент окончания данных преступлений: когда потерпевший совершит сам акт самоубийства или хотя бы покушение на него. Но вместе с тем швейцарский законодатель не усматривает в неудавшемся склонении покушение на преступление, как это обычно делается по российскому уголовному закону. В частности, если преступник склонял лицо к самоубийству, но это склонение не привело ни к каким последствиям (т.е. не последовало даже попытки совершить данные действия), считается, что состав преступления отсутствовал [2, с. 41].

В ст. 294 Уголовного кодекса Голландии установлена уголовная ответственность за следующие действия:

- умышленное подстрекательство другого к самоубийству;
- помощь в самоубийстве, обеспечение лица средствами для его совершения.

При этом уголовная ответственность наступает в том случае, если самоубийство состоится [6], что не идентично российскому правовому подходу, поскольку для составов рассматриваемых ненасильственных способов такие последствия признаются квалифицирующими или особо квалифицирующими признаками (ч.ч. 4, 5, 6 ст. 101.1 УК РФ).

Если рассмотреть уголовное законодательство Италии, то в нем также обнаруживается ответственность за содействие самоубийству путем убеждения человека его совершить или укрепления предположения совершить самоубийство. Наказуемым является любое содействие при условии, что самоубийство было совершено. Аналогичным образом данный вопрос решается и в австрийском законодательстве.

Французское законодательство помимо криминализации содействия совершению самоубийства наказывает также пропаганду или рекламу

товаров, предметов и методов для совершения суицида [12]. Российский уголовный закон такие действия также признает в качестве преступных, но использует более общую и, на наш взгляд, подходящую под описание всех возможных способов рекламы и пропаганды таких действий формулировку – «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» (ст. 110.2 УК РФ).

Далее охарактеризуем традиционно более близкий правовой подход в оценке рассматриваемых преступлений, существующий в странах Балтии и СНГ.

Сразу бросается в глаза, что уголовное законодательство многих данных государств уже довольно давно предусматривает ответственность за ненасильственные способы побуждения к самоубийству. В качестве примеров приведем ст. 133 УК Республики Литвы [8], ч. 1 ст. 146 УК Беларуси [10], ст. 103 УК Кыргызской Республики [7], ч. 1 ст. 106 УК Республики Туркменистан [11], ст. 111 УК Республики Армении [9]. При этом сопоставительный анализ диспозиций указанных норм обнаруживает практически идентичный подход, который использовал и российский законодатель. Это однозначно свидетельствует о том, что при конструировании ст. 110.1, 110.2 УК РФ был учтен опыт стран ближнего зарубежья.

При этом интересно, как вопрос правового отношения и оценки самоубийства решается в Уголовном кодексе Литвы. Статья 133 данного правового акта предусматривает ответственность за склонение к самоубийству или доведение до него, однако данные действия будут считаться преступлением в том случае, если человек совершил самоубийство «вследствие жестокого или коварного к нему обращения». При этом склонение является оконченным с момента такого жестокого или коварного обращения, а доведение до самоубийства – с момента попытки его совершить [8]. Как видим, в одной норме объединены и насильственные, и ненасильственные способы вовлечения в совершение самоубийства. Представляется, что с учетом опыта других стран такой подход не совсем верен. Он не позволяет более детально дифференцировать меры ответственности и фактически предусматривает единую ответственность за разные по степени общественной опасности преступления. В этом аспекте российский законодатель превосходит западного.

Но вместе с тем заметим, что литовское законодательство – одно из немногих, в рамках которого прослеживается весьма гуманный подход к установлению мер ответственности за совершение рассматриваемых преступлений, поскольку большинство рассмотренных нами уголовных кодексов разных стран устанавливают безальтернативное лишение свободы.

При этом, анализируя законодательство стран СНГ и Балтии, мы заметили, что подход к определению перечня способов склонения к самоубийству не является во всех странах единообразным. В законодательстве каких-то стран (например, УК Армении, УК Белоруссии) они в принципе нормативно не перечисляются, что позволяет относить к ним абсолютно любые действия. В УК других государств (например, Кыргызской Республики

и Туркменистана) в качестве таких способов закреплены уговоры и обман, а также «любой иной способ». Как отмечают исследователи, такой перечень все равно носит открытый характер [4, с. 141]. Заметим, что аналогичный подход использовал и отечественный законодатель.

Отмечая прогрессивность УК РФ, также подчеркнем, что по уголовным законам стран СНГ, в отличие от отечественного подхода, содействие совершению самоубийства не признается преступным. Наличие такой ответственности считаем весьма предусмотрительным законодательным шагом, поскольку именно содействие может оказаться решающим в совершении непосредственных действий потерпевшего по совершению удавшейся попытки самоубийства.

Таким образом, краткий анализ уголовного законодательства отдельных зарубежных стран относительно правовой регламентации ненасильственных способов побуждения других лиц совершить самоубийство позволяет сделать следующие базисные выводы:

1) российский законодатель правильно пошел по пути криминализации отдельных составов, сопряженных с ненасильственным побуждением к совершению самоубийства в рамках ст. 101.1 и 101.2 УК РФ, поскольку это вписывается в общемировую канву установления уголовной ответственности за подобные действия;

2) большинство изученных УК стран Европы, а также СНГ включают нормы, запрещающие содействие самоубийству или склонение к его совершению, а равно предоставление средств и информации для его совершения. Это свидетельствует о том, что отечественный законодательный опыт в этих вопросах опирался на общемировой;

3) российский законодатель пошел по пути более тщательного установления и дифференциации ответственности за ненасильственные способы побуждения и помощи в совершении самоубийства другими лицами, чем это сделано во многих изученных нами правовых актах иностранных государств. По УК зарубежных стран ответственность предусматривается исключительно в случае совершения самоубийства потерпевшим (в более редких случаях – покушения на самоубийство), в то время как для российского уголовно-правового подхода такое последствие расценивается в качестве особо отягчающего обстоятельства (ч.ч. 4, 5, 6 ст. 101.1 УК РФ).

### Список литературы

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права (фрагменты) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 5. – С. 187-188.
2. Жирнов А. Д. Склонение к самоубийству по законодательству зарубежных стран // Вестник Российского нового университета. Серия: человек и общество. – 2017. – № 2. – С. 40-42.
3. Колинько Е. А., Селезнева Н. А. Ответственность за доведение до самоубийства по законодательству Украины и других зарубежных стран:

- сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 5. – С. 194-201.
4. Малетина М. А. Преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран СНГ и Балтии // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 141-144.
  5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 24, ст. 3489.
  6. Уголовный кодекс Голландии / пер. с англ. И. В. Миронова; науч. ред. Б. В. Волженкин. – 2-е изд. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2001. – 509 с.
  7. Уголовный кодекс Кыргызской республики: Закон КР от 24 января 2017 № 10. URL: [https://online.zakon.kz/m/document?doc\\_id=34350840](https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840) (дата обращения: 05.05.2024).
  8. Уголовный кодекс Литовской Республики: утв. законом 26 сент. 2000 г. № VIII-1968 г. / пер. с лит. В. П. Казанскене; науч. ред. В. Павилонис; предисл. Н. И. Мацнева; вступит. ст. В. Павилониса [и др.]. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2003. – 468 с.
  9. Уголовный кодекс Республики Армения: принят Законом Респ. Армения от 18 апр. 2003 г.: введ. в действие 1 авг. 2003 г. / пер. с арм. Р. З. Авакяна; науч. ред. Е. Р. Азаряна, Н. И. Мацнева. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2004. – 446 с.
  10. Уголовный кодекс Республики Беларусь: закон от 9 июля 1999 г. № 275-З. URL: <https://xn----ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/> (дата обращения: 06.05.2024).
  11. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I: закон Туркменистана от 12.06.1997 № 222-1. URL: [https://online.zakon.kz/document/?doc\\_id=31295286](https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286) (дата обращения: 06.01.2024).
  12. Уголовный кодекс Франции. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 05.01.2024).
  13. Уголовный кодекс Швейцарии / вступ. ст. Ю. Н. Волкова; науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. – 2-е изд., доп. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2002. – 348 с.